

Лушневская Е. В. (Полоцк)
Проблемы современного «нибелунговедения»
(по работе Ю. Н. Булилиной)

Эпос – понятие многоплановое, и «Песнь о нибелунгах» – не исключение. Миф, история и современность в нем прочно переплетены, причем провести четкую грань между составляющими эпического произведения порой кажется невозможным. Сегодня литературоведческие исследования направлены на изучение мифологической составляющей эпоса. Именно этот план вызывает много споров и неоднозначен в силу своей архаичности, поскольку еще для устного эпического творчества германских племен мифология была «почвой и арсеналом» [3, с. 15].

Среди немецких нибелунговедов XXI в. можно назвать В. Хоффмана, Й. Сцёвэрффи и Я.-Д. Мюллера, последний из которых утверждал о необходимости пересмотра методов исследования «Песни о

нибелунгах» и о важности сравнительно-исторического подхода в изучении как отдельных образов, так и всей эпической поэмы в целом. Фундаментальные работы российских ученых занимают значительную нишу в сравнительном «нибелунговедении». Это работы не только литературоведов (М. К. Меньщикова, Ю. Н. Бучилина), но и ученых-филологов (А. В. Солдатова, М. М. Русяева, Т. В. Топорова), рассматривающих «Нибелунгов» с различных ракурсов. Нас интересует диссертационное исследование Ю. Н. Бучилиной «Мифологические архетипы «Песни о Нибелунгах» и их интерпретация в немецкой литературе XIX в.» (2009), поскольку она является позднейшим из вышеперечисленных трудов и представляет собой некоторое их обобщение.

Как известно, корни эпоса уходят вглубь мифологического мышления [6, с. 299]. По мнению Ю. Н. Бучилиной, мифы являются «основными психическими манифестациями душевных процессов» [1, с. 42]. Ученый подтверждает свою точку зрения ссылкой на особенности представлений древнего человека об окружающем мире (например, восход или заход солнца были для средневекового человека олицетворением судьбы какого-либо героя или бога (его рождения и смерти)). Утверждая о существовании мифологических архетипов в эпосе, Ю. Н. Бучилина руководствуется психоаналитической теорией К. Г. Юнга, выделяющего несколько основных архетипов в психике человека. Однако такой выбор исследователя кажется не совсем неоправданным, т. к. в изучении «Песни о нибелунгах» требуется литературоведческий подход, а именно такой смысл в термин «архетип» вложил Е. М. Мелетинский. Рассматривая подробно труды последователей К. Г. Юнга, представителей аналитической психологии и ритуально-мифологической школы, таких, как Э. Нойман, Дж. Кэмпбелл, Дж. Фрэзер, М. Бодкин, Н. Фрай и др., выделяя их положительные черты, он критикует их за сведение истоков и сущности литературных образов только к внутренней жизни души или к обрядам [1, с. 46]. Ученый пишет, что, говоря об архетипах, они имеют в виду прежде всего не сюжеты, а набор ключевых фигур или символов [5, с. 11]. Иными словами, достижения психологии они экстраполируют на искусство, в частности, литературу, забывая про ее собственную специфику, которую нельзя объяснить, опираясь только на внутренние закономерности душевной жизни, не касаясь влияния на них внешнего мира. В то же время Е. М. Мелетинский справедливо отмечает, что «подсознательные мотивы также связаны с социальным бытием»: осваивая мир практически, человек через миф конституирует в первую очередь мир, а не свою душу [5, с. 13]. Кроме этого, Е. М. Мелетинский

приводит обзор архетипических сюжетов-ситуаций и образов, рассматривая их на материале архаических и героических мифов, сказок, эпоса, рыцарских романов и новелл позднего времени. Иногда выделяемые им мотивы очень похожи на функции, о которых писал В. Я. Пропп, например, добывание – похищение культурных благ, исчезновение жены – возвращение жены. Однако В. Я. Пропп отдельно исследовал действия сказочных героев и отдельно занимался проблемами генезиса сказочных мотивов [6]. Е. М. Мелетинский же совмещает два этих аспекта на мифологическом, сказочном и эпическом материале и пытается найти первоначальные мотивы и сюжеты, вызванные к жизни процессами освоения древним человеком окружающего его мира и инстинктивными движениями его психики, в тайну которых человеческий ум начал по-настоящему проникать много тысячелетий спустя.

Упоминая Е. М. Мелетинского, Ю. Н. Бучилина, все же предпочитает применить к теории архетипов схему, предложенную психоаналитиком Дж. Кэмпбеллом, хотя осознает, что его концепция, «будучи приложенной к конкретным произведениям литературы, раскрывает лишь один из аспектов их содержания», поскольку не учитывает социального содержания мифологических архетипов [1, с. 53]. По мнению ученого, Дж. Кэмпбелл в классическом исследовании мифологии на основе психоанализа «Герой с тысячей лицами» (1949) выделяет некий инвариант сюжета о приключениях героя как отражение основных стадий процесса инициации и воспроизведение разнообразных обрядов перехода [1, с. 51].

Центральным блоком здесь является формула обряда: уединение – инициация – возвращение [5, с. 244]. Суть его в том, что герой

отваживается отправиться из мира повседневности в область удивительного и сверхъестественного; там он встречается с фантастическими силами и одерживает решающую победу; из этого приключения герой возвращается наделенным способностью нести благо своим соплеменникам [1, с. 52]. В целом, работа Дж. Кэмпбелла посвящена наиболее часто встречающемуся мифологическому сюжету – истории героя: его чудесного рождения, богатырских подвигов, женитьбы на красавице, мудрого правления и загадочной, таинственной гибели. Однако насколько это может быть применимо к эпосу «Песнь о нибелунгах» – спорный вопрос. Ведь еще А. Я. Гуревич установил несколько планов «Нибелунгов» [2, с. 131], и из всего ряда к Зигфриду, как эпическому герою, применим только мифический мотив богатырских подвигов, о которых автор упоминает лишь скороговоркой в устах Хагена в 3-й авентюре. Конечно, Ю. Н. Бучилина, рассматривает *мифологические* архетипы [выделено мной – Л. Е.] в «Песни о нибелунгах», но зачем подводить к данному понятию всю эпическую поэму...

Применяя теорию Дж. Кэмпбелла к первой части эпоса, Ю. Н. Бучилина видит вторую ее часть неким продолжением уже исчерпавшей себя схемы (путь к приключениям заканчивается гибелью героя в 1-й части «Песни»). В то же время Ю. Н. Бучилина также высказывается о том, что части «Песни о нибелунгах» совершенно отличаются друг от друга. Однако для обеих частей эпоса характерна определенная схема [8, S. 92], только главная роль переходит от Зигфрида к его супруге Кримхильде. Сватовство, самый распространенный мотив в немецкоязычной поэзии, открывает действие и 1-й, и 2-й частей. В обеих частях также встречается мотив обмана во время свадьбы (Гунтер прибегает к помощи Зигфрида, а Кримхильда – к Этцелю). Далее наступает длительная пауза в несколько лет, а затем следует преднамеренное приглашение родственников издалека (Брюнхильды – к Зигфриду и Кримхильде, Кримхильды – к братьям и Хагену), позже праздничное приветствие и конфронтация ведут к смертельному исходу для гостя или гостей.

Ю. Н. Бучилина в своем исследовании резко критикует научный доклад Т. В. Топоровой «Сказание о нибелунгах в свете германской космогонии» (2000), в которой автор выводит космогоническую основу сказания на основании лингвистического анализа древнеисландских текстов «Старшей Эдды», так что сказание о нибелунгах в данной работе практически отождествляется со «Старшей Эддой». Помимо этого, только лингвистический подход в данном исследовании представляется интересным, но, по мнению Ю. Н. Бучилиной, не совсем

корректным, т. к. нельзя «выводы, основанные только на языковых данных текста, экстраполировать на всю литературную область» [1, с. 87]. Филологический подход к тексту «Песни о нибелунгах» также вызывает неподдельный интерес у Ю. Н. Бучилиной в работе М. М. Русяевой «Концептосфера «человек / личность» в художественном тексте средневерхненемецкого периода: на материале «Песни о Нибелунгах» (2007). Она разделяет мысль о том, что «каждый из персонажей «Песни о нибелунгах» отличается своими индивидуальными характеристиками, что свидетельствует о проявлении ими личностных свойств» [1, с. 88]. М. М. Русяева также говорит о многослойности «Песни», при этом указывает на важность тех мест в тексте, которые, образно выражаясь, представляют собой «молодые побеги на старом древе эпического сюжета» [7, с. 1].

В целом, работа Ю. Н. Бучилиной интересна в силу анализа мифологических архетипов «Песни о нибелунгах» в немецких интерпретациях XIX в. (на примере трилогии Ф. де ла Мотт Фуке «Герой Севера», тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга», трагедии Ф. Геббеля «Нибелунги»). Кроме того, работа Ю. Н. Бучилиной является обобщением современных исследований, посвященных «Песни о нибелунгах».

1. Бучилина Ю. Н. Мифологические архетипы «Песни о Нибелунгах» и их интерпретация в немецкой литературе XIX в. : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.03 / Бучилина Ю. Н.; Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород, 2009. – 209 с.
2. Гуревич А. Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства / А. Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1990. – 396 с.
3. История немецкой литературы : в 5 т. / отв. ред. Г. В. Шаткова. – М.: АН СССР, – 1962. – Т. 1. – 471 с.
4. Кэмпбелл Дж. Герой с тысячью лицами / ред. И. Старых. – Киев: Рефл-бук, 1997. – 336 с.
5. Мелетинский Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – М.: РГГУ, 1994. – с. 134.
6. Пропп В. Я. Фольклор и действительность. Избранные статьи. / В. Я. Пропп. – М.: Наука, 1976. – 325 с.
7. Русяева М. М. Концептосфера «человек/личность» в художественном тексте средневерхненемецкого периода: на материале «Песни о Нибелунгах» : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Русяева М. М.; Пятигор. гос. лингвист. ун-т. – Пятигорск, 2007. – 18 с.
8. Schulze U. Das Nibelungenlied / U. Schulze. – Stuttgart.: Philipp Reclam jun. GmbH & Co, 2006. – 340 S.